

А.Г.Некита, Е.П.Суслова

**УЖАСЫ МОДЕЛЕЙ БИОПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ГОЛЛИВУДСКИХ
ЭКРАНИЗАЦИЯХ АНТИУТОПИЧЕСКОГО ПРОЕКТА О.ХАКСЛИ**

Статья посвящена анализу голливудской визуализации антиутопического проекта О.Хаксли. На основании изучения объективных социальных процессов он конструирует ужасный «дивный, новый мир», в котором общественный договор базируется на тоталитарных биополитических манипуляциях социальной средой. Кризис традиционной власти провоцирует переход к конвейерному насаждению технологий проектирования и выращивания людей с требуемыми профессиональными функциями. Социальная миссия таких индивидов состоит в однозначном следовании предписанным гипнотическим программам, невыполнение которых неминуемо оборачивается социальным ostracism, небывалым усилением физического и духовного гнета в «свободном» обществе будущего. Подобная политическая практика формирует иерархические хоррор-хронотопы, воспроизводящие ужас кастовых моделей социализации. Визуализация зловещего предостережения Хаксли представляет попытку медийного освоения тоталитарных тенденций современного мира.

Ключевые слова: антиутопия, тоталитарный контроль, стратификация, насилие, ужас, биополитика, Голливуд

Во все времена писатели, художники и философы пытались заглянуть в будущее. Пытались представить себе идеальную картину мира, где нет войн и насилия, где царит мир и покой, где нет нищеты и страдания, а люди вечно молоды и красивы. Такое идеальное общество описывали в своих произведениях многие выдающиеся философы, экономисты и писатели во всем мире. Традиционно считается, что «прародителем» утопического жанра был Томас Мор, который в 1516 году создал книгу, названную им «Утопия», что в переводе с латыни означает «место, которого нет» [1]. Надо отметить, что европейская интеллектуальная традиция живо подхватила этот порыв и в дальнейшем все труды, создававшие образ лучшего будущего, которые предлагали и моделировали наиболее благоразумные мифосимволические сценарии соразвития природы, общества и личности в свете действующих представлений о социальном идеале стали называть «утопиями». Ко второй половине, и особенно к концу XIX века, когда Европа уже вполне «переболела» философско-этическими поисками справедливого мироустройства, а также сполна вкусила ужасных и антигуманных «прелестей» капиталистического развития, утопические сценарии поиска позитивного социального идеала явно иссякли и постепенно стали вытесняться своей диалектической противоположностью — антиутопиями, которые поначалу целиком посвящались высмеиванию утопий и их авторов, а позднее стали демонстративно и целенаправленно изображать процессы, «связанные с удержанием собственного населения под неусыпным физическим и духовным контролем» [2]. Так, по мнению отечественного автора В.Васина, «антиутопистом может быть только тот, кто или полностью осуждает всякие попытки изменить человеческое общество к лучшему, или пассивно созерцает его и пытается лишь уловить тенденции его стихийного развития» [3].

Одним из наиболее известных писателей-антиутопистов традиционно считается английский новеллист и философ Олдос Хаксли, которым было написано две антиутопии — «Остров» и «О дивный новый мир». На примере второго романа и его голливудской экранизации рассмотрим мифосимволические основы столь «идеального» по форме, но настолько же ужасного по содержанию «нового мира» будущего.

Хаксли переносит читателя в Лондон в 632 год «эры стабильности», которую благоговейно называют «эрой Форда», что соответствует 2540 году н.э. В этом мире выдающийся организатор производства и творец новой модели социума Генри Форд почитается как единственно истинный Бог. Начальной датой Новой эры избрали дату выпуска первой модели «Т» на автомобильный рынок — 1909 год н.э. Чтобы придать мифосимволический, сакральный и онтологический смысл этому событию, по воле «Господа нашего Форда» у всех христианских крестов спилили верх, преобразовав их в знаки «Т». Кроме того, дополнительную мифосимволическую нагрузку этому знаку придавала и его история. Ведь так называемые «тау-кресты» известны в качестве символа удачи, который защищает жизнь, еще со времен исхода древних христиан из Египта, а затем использовались для пыток и казней путем распятия на Юге и Востоке Римской империи. Такая модель социального устройства в книге О.Хаксли стала именоваться «Мировым Государством», где ежегодно праздновали День Форда, а по вечерам устраивали песнословия и сходки единения. В фильме с одноименным названием «Дивный новый мир» режиссеров Лесли Либман и Ларри Уильямса, который вышел в США в 1998 г. [4], совершенно непонятно, в каком именно году происходит действие, а также ни слова не сказано ни про эру стабильности, ни про изменения в религии, зато упоминается лишь праздник «День покаяния».

Всего, по мысли Хаксли, существовало десять Главноуправителей мира. А постоянным Главноуправителем Западной Европы являлся Его Фордейшество Мустафа Монд. Также у этого Мирового Государства был девиз: «Общность, Одинаковость, Стабильность». Мифосимволический смысл этого лозунга следовало понимать так: цивилизация существует только благодаря стабильности, которая, в свою очередь, зиждется на устойчивости каждого члена этого социального организма. Поскольку производственный базис

общества выступает материальной основой стабильности, то именно машины получают приоритет перед обслуживающим их персоналом, который должен символически соответствовать четкому и бесперебойному ритму конвейера, быть психически и соматически адекватным, сытым, покорным и довольным. Но ведь люди, жившие в «темные» и ужасные дофордовские времена, не были таковыми. Они были слишком соматически неустойчивы и непроизводительно эмоционально расточительны, отчаянно предавались порокам, пленялись безумием и потому оказывались хронически несчастными. Ужасный, «старый мир» безжалостно угнетал их, держал их телесной и психической «узде», последовательно лишал здоровья и хищнически пожирал их настоящее и будущее. Они влюблялись, создавали семьи и были слишком уж привязаны друг к другу, фактически находясь в добровольном затворничестве в кругу своей семьи. У ребенка были мама и папа, которые очень любили его и самозабвенно заботились о нем. При этом они страдали, поддавались искушениям, раскаивались, кончали жизни самоубийством, часто болели и порой жили впроголодь. Все это заставляло их сильно переживать и уходить в одиночество. О какой стабильности здесь можно говорить?

Внимательно анализируя эти психологические проблемы, Господь Форд первым выявил губительные опасности семейной жизни и решил в корне пересмотреть все устройство человечества. Во имя процветания промышленности введены были нормы потребления для населения, которые спровоцировали массовые протесты и гражданское неповиновение, подняли волну антипотребительских и антицивилизационных движений. Когда же на помощь правительству пришла наука и скрупулезный просчет всего и вся, то оказалось, что потребности читающего человека не так уж и велики, как того хотелось бы власти. Правители устроили мор книжечеев, после которого две тысячи человек умертвили горчичным газом в Британском музее, а более восьмисот сторонников упрощенчества и антипотребительской жизни вообще расстреляли. Однако и на этом власти не остановились, поскольку было решено уничтожить вообще все культурное прошлое человечества, столь отвлекающее его от перспектив «новой» жизни. Именно так были закрыты музеи, взорвали все исторические памятники, изъяли все книги, выпущенные до 150 года эры Форда. И, наконец, развернули агитацию против живородящего размножения. Исчезли такие понятия как «мать», «отец», эти слова стали непристойными и ругательными. Люди стали вырабатываться искусственно в лабораториях.

В фильме очень сжато освещен путь, который пришлось преодолеть человечеству, прежде чем наступила вожделенная эра стабильности. Лишь вскользь говорится о том, что существовал мир до войны, не такой, как сейчас. При этом вовсе не уточняется, до какой именно войны, в каком году и где именно она была. Детям рассказывают, что раньше существовало понятия «семья», «отец» и «мать». А сейчас все усовершенствовано и существует лишь одна форма высшей любви и заботы власти обо всех вместе, и о каждом в отдельности в лице контролера Монда.

В итоге население нового общества было разделено на пять каст: *альфы*, *бэты*, *гаммы*, *дельты* и *эпсилон*ы. Элитой общества стали *альфы* — идеально правильные и выносливые люди, ориентированные на интеллектуальную работу, *бэты* — промежуточная прослойка, а *гаммы*, *дельты* и *эпсилон*ы — представляли собой низшие звенья иерархии, связанные с механическим трудом и призванные обслуживать вышестоящие звенья социальной пирамиды. При этом в какую именно прослойку попадет человек, было predetermined заранее. Поэтому после оплодотворения, которым занимаются лаборанты в полной тишине в огромном светлом зале, процесс развития плода работников физического труда существенно отличается от процесса развития плодов *альф* и *бэт*. Оплодотворенные яйца *гамм*, *дельт* и *эпсилон*ов подвергаются бокановскизации, которая считается важнейшим биополитическим средством поддержания социальной стабильности и состоит из следующих процедур: рентгеновское облучение, внезапное охлаждение, обработка спиртом. В результате таких процедур происходило почкование, то есть, из одного яйца могло вырасти от восьми до девяноста шести человек. Причем выгода для власти в этом случае получалась поистине колоссальная, ведь это были бы люди все на одно лицо, одного возраста и одного роста, одновременно готовые приступить к работе, например, на станках. Все зародыши развивались в бутылках вплоть до самой раскупорки, то есть до рождения. После из них вырастали будущие мужчины, женщины — 30% плодовоспособных, остальные «неплоды». Эти мужчины и женщины могли работать в разных сферах деятельности. К этому их готовили уже на стадии развития плода — одних приучали к теплым температурам, чтобы они могли работать исключительно в тропиках или же на производстве с повышенной температурой, другим целенаправленно прививали устойчивое чувство равновесия, чтобы они максимально соответствовали экстремальным требованиям к бортмеханикам ракетопланов, способным производить ремонтные работы даже на внешней стороны ракеты во время полета.

После раскупорки бутылей дети обучались и проживали в государственных воспитательных центрах, прежде чем стать взрослой особью. С самого раннего возраста для представителей каждой касты прививались различные рефлексy. Например, низшим кастам внушали отвращение к окружающей среде и к книгам, чтобы они не расходовали зря свое время на экономически неэффективное чтение книг и любование природой. В противовес этому, им бессознательно прививалась страсть к активным видам спорта, чтобы они непрерывно выезжали за город, поддерживая производителей спортивного инвентаря, и загружали транспортные артерии.

В антиутопическом обществе «дивного, нового мира» широко использовалась гипнопедия — обучение во сне. Ведь именно гипнопедия считалась величайшей нравоучительной силой всех времен, готовящая будущую особь адекватной к жизни в обществе. Примерно до семи лет детям активно внушалось кастовое самосознание, прививалась безусловная, рефлексорная любовь к своей касте и точно такое же отвращение к низшим кастам. После повторения одного и того же текста пятнадцать тысяч шестьсот раз на протяжении двух

с половиной лет сознание ребенка полностью заполнялось тем, что внушил голос. Это внушение прочно закреплялось на всю жизнь, поскольку касты отличались не только по своему интеллекту, но и по цвету одежды. Ведь у каждой касты был свой установленный дресс-код. Так, *альфам* были предписаны серые тона, *гаммы* — отличались зелеными оттенками, *дельты* — облачались в хаки, а замыкали цветовую палитру «нового мира» *эпсилоны*, всю жизнь носившие черную одежду. В дополнение к этому пресса также имела цветовую кастовую градацию за исключением *эпсионов*, для которых вообще ничего не печатали, так как они были созданы только для простой физической работы и не умели ни читать, ни писать.

Однако режиссеры фильма не совсем точно показали разделение общества на касты. Ведь социальное предназначение каждого человека было predetermined заранее, поэтому в соответствии с этим эмбрион проходил определенные этапы социализации еще до «рождения». В киноленте не стали показывать все эти этапы, видимо пощадили психику людей, которые будут смотреть этот фильм. Вероятно, из этих же побуждений не показали и то, как именно прививают детям определенные рефлексy. Вряд ли массовому зрителю хотелось бы смотреть, как заливаются криком восьмимесячные малыши от разряда электрического тока. Также не были обозначены отличительные особенности каждой касты, только *дельт* можно отличить по цвету их формы одежды. У всех остальных цвет и форма одежды были, как в обычном офисе, у детей — белый вверх, черный низ. Про метод бокановскизации решили вообще не рассказывать, а ведь в книге довольно много про это говорится. Самую низшую касту тоже решили не показывать. Зато появился эпизод, где работник из касты *дельта* благодаря гипнопедии становится киллером.

С семилетнего возраста дети обучаются примитивным эротическим играм. Детей, которые отказываются от таких игр, отводят к психологу на выявление ненормальностей. Еще одна «фундаментальная» гипнопедическая максима — «каждый принадлежит всем остальным» — внушалась с раннего возраста шестьдесят две тысячи четыреста раз. После такого количества повторений это утверждение уже становилось бесспорной истиной, не требующей доказательств. Согласно этому правилу, люди не должны иметь одного партнера, а напротив, приветствовалась частая смена партнеров. В разговоре двух молодых особ из касты *бэта* одна из них возмущается по поводу личной жизни другой: «Нельзя же так долго все с одним — это ужасно неприлично!» [5]. Причем все плодовоспособные женщины ужасно боялись забеременеть и поэтому постоянно носили пояс-патронташ, набитый уставным комплектом противозачаточных средств.

В фильме, конечно, не могли показать, как семилетние дети играют в эротические игры, иначе эту экранизацию вообще не выпустили бы на экраны. Зато достаточно понятно показаны нормы в отношениях между мужчинами и женщинами. Опущен и такой важный момент, как способность женщины давать потомство. Ведь далеко не все женщины могли быть плодовоспособными, а те из них, которые могли, должны были носить специальный пояс, на котором в фильме тоже не заострили внимание.

Также всегда под рукой не только у женщин, но и у абсолютно всех жителей *сома* — главный наркотик «дивного, нового мира», после принятия которого сразу же наступали успокоение, радость и блаженное состояние. Сомы была призвана подавить любые отрицательные эмоции и переживания, которые могли привести к социальной нестабильности. Поэтому, если человек был хоть чем-то омрачен, в его памяти тут же всплывала гипнопедическая установка: «Сомы грамм — и нету драм».

Понятие старости здесь также не существовало. Все телесные недуги старости были устранены, а вслед за этим исчезли и все связанные с ними старческие особенности психики. И в шестьдесят лет люди себя чувствовали себя так же, как и в семнадцать, также работали, совокуплялись и развлекались, как и молодые. Да и внешне они ничем не отличались от молодых, поскольку никаких телесных признаков старения у них нет. Но жизнь этих людей их не долговечна, поскольку их организм был не способен долгое время выдерживать действие искусственных стимуляторов для поддержания молодости, а потому годам к шестидесяти люди умирали. Далее их кремировали, а получающийся при сжигании людских тел фосфор использовали для стимуляции роста растений.

Большое расхождение фильма и книги наблюдается и в освещении старости. В фильме вообще никак про это не сказано. Мало того, ни контролер Монд, ни Директор никак не выглядели молодыми, а потому уже на этом основании явно выбивались из основной массы общества. И про пользу человека после смерти тоже не упомянуто. А ведь жители Лондона очень гордятся тем, что все они приносят социальную пользу после смерти, а потому они вовсе не боялись умирать. В фильме есть удачный и очень показательный эпизод, где дети веселятся, играют с шариками, кушают конфеты, а рядом лежат умершие люди. Именно таким образом их приучают, что бояться смерти не надо, что это естественный процесс для всего населения.

В этом мире большинство людей живут по законам Мирового Государства. Но есть одно место, называемое индейской резервацией — это территория, огороженная забором, по которому проходит высоковольтное напряжение. Проживающие за ним около шестидесяти тысяч индейцев и метисов живут обособленно и не имеют связи с цивилизованным миром. Однако среди них есть одна женщина, случайным образом попавшая туда из цивилизованного мира, вместе со своим сыном, родившимся уже в самой резервации. Мать много рассказывала сыну о том счастливом месте на земле, в котором она жила, а сам Джон все время жил мечтами, поскольку очень хотел попасть в такое место, где все действительно живут благополучно и счастливо. Здесь режиссеры проявили свою фантазию и по-своему показали индейскую резервацию. Вместо индейцев и метисов мы видим молодых людей в стиле хиппи с оружием в руках, а вместо ветхого дома Линды и Джона — американский фургон на колесах.

И вот однажды к ним на экскурсию прилетают двое представителей из мира цивилизации — Бернард и Ленайна. Бернард — специалист-гипнопед, альфа-плюсовик, который, несмотря на свое происхождение из касты *альфа*, все же сильно отличался не свойственным для *альф* шуплым телосложением, а также замкнутостью, в результате чего часто оставался в одиночестве вдалеке от общества. Вероятно, таким он стал из-за ошибки медсестры, которая влила в бутылку спирт в кровозаменитель. Ленайна — медсестра из касты *бэта*, плодоспособная, типичная особа. Вместе они полетели в резервацию из-за любопытства, посмотреть, как живут дикари, и были поражены тем, как устроена их жизнь. Индейцы жили так, как все люди жили в дофордовские времена. Они поклонялись предкам, вступали в брак, заводили семьи, женщины рожали детей. В их обособленном мире было много животных, как диких, так и домашних. Были у них и заразные болезни, грязь в домах, мусор кругом.

Бернарда и Ленайну режиссеры фильма тоже увидели по-своему. Бернард выглядит красивым, полноценным мужчиной, который любит быть в центре внимания, что полностью не соответствует образу, описанному в книге. Ленайна представлена учительницей из воспитательного центра, что тоже противоречит первоисточнику. Экскурсия Бернарда и Ленайны в индейскую резервацию освещена очень коротко, в то время как в книге подробно рассказано про жизнь индейцев, их быт, нравы и обычаи.

В этом дикарском заповеднике Бернард и Ленайна познакомились с Джоном и его матерью Линдой, которым они предложили отправиться в мир цивилизации. Линда и Джон согласились, ни минуты не раздумывая, ведь Джон очень хотел увидеть своими глазами все то, что описывала ему мать: дивную музыку, вкусные блюда, напитки, уникальные ожившие картины, которые можно не только видеть, но и воспринимать остальными органами чувств, разноцветные высокие дома, счастливых людей, которые никогда не грустят, а пребывают всегда в отличном настроении, и живут эти люди все вместе, и ходят в чистой одежде. Но больше всего он хотел в Загородный мир, потому что там никто не одинок. Ведь в его привычном мире он с раннего чувствовал себя детства чужим и одиноким: местные не признавали его своим и всячески унижали и отталкивали. Для Линды возврат в мир цивилизации, в первую очередь, означал возврат к коме, поэтому, когда Джона и Линду доставили в Лондон, мать целыми днями проводила время в постели под действием сомы, от которой она в скором времени и скончалась. В то же время, по замыслу режиссеров фильма, Джон прилетел в мир цивилизации, чтобы увидеть уважение к правде, красоте, интеллекту, но, по задумке автора книги, у Джона была другая цель. Да и мать Джона представили состарившейся женщиной в шелковом халатике, в чулках и тапочках с пушком, что, конечно, явно противоречит образу в книге.

Следует отметить, что Джон вызвал неподдельный интерес у жителей Лондона — его все хотели видеть и говорить с ним. Ему организовывали экскурсии по всем значимым местам с тем, чтобы показать различные стороны цивилизованной жизни. Но Джону не понравилась эта жизнь: ни фильмы в кинотеатрах-ощущалках, ни лживая дружба между людьми, ни взаимопользование друг другом. Все это было ему чуждо, ведь здесь не было места настоящей любви, о которой он узнал из произведений Шекспира, страсти, дружбе, искусству, науке, религии. Всем этим они с матерью «заплатили» за счастливую жизнь. Поэтому, бедняга Джон сначала вдоволь настрадался в своей резервации, поскольку был выведен за пределы социальной жизни, а затем его мытарства продолжились уже в оплоте цивилизации — в Лондоне, где он был полностью лишен возможности побыть в уединении. Не смог Дикарь привыкнуть к этим условиям цивилизации, не нужны были ему все эти удобства. Он хотел Бога, поэзии, настоящей опасности, свободы, добра и греха. В конце концов, Джон находит уединенное место, но ему и там не дают спокойно жить, после чего Дикарь решает покончить жизнь самоубийством.

Бернард же по возвращении из резервации пишет научную работу, посвященную математической трактовке концепции жизненазначения. Но его работу признают еретической, опасной по отношению к действующему общественному порядку и потенциально разрушительной. К тому же он славится дурной репутацией — нарушает нормы половой жизни, отказывается следовать учению Господа Форда, отказывается от сомы и спорта. И его как врага Общества, как разрушителя Порядка и Стабильности, как злоумышленника против самой Цивилизации, отправляют на остров Исландия, где живут такие же сосланные индивидуумы. Это все те, у кого есть свои самостоятельные взгляды, у кого развилось самосознание да такой степени, что они стали непригодными к жизни в стабильном обществе «дивного, нового мира». Также ссылают, только не в Исландию, а на Фолклендские острова, и друга Бернарда — Гельмгольца. Он тоже альфа-плюсовик, только красивый, рослый и крупный, как и все *альфы*, отличался своими умственными способностями, из-за которых в один прекрасный момент и стал озабоченным и одиноким. И Бернард, и Гельмголец остро и трагически осознавали ужасы своей индивидуальности, потому и дружили, и понимали друг друга. Гельмголец признавался другу: «Чувствую, что способен дать что-то гораздо более значительное, глубокое, взволнованное» [5]. Но ему так и не дают выразиться, поскольку в этом мире категорически не приветствуется индивидуальность, поэтому его и ссылают.

В фильме после возвращения Бернарда и Ленайны из резервации Бернард решил, что должен сделать людей счастливее, сделать мир лучше. Ведь из книги мы знаем, что у него были другие цели. Да и зачем делать людей счастливее, ведь они и так живут с такой установкой с самого детства. С пяти лет им внушают мантру: «Теперь каждый счастлив». Появление Джона в Лондоне рядом с Бернардом делают последнего популярным, он быстро продвигается по службе и становится Директором. А вот Ленайна беременеет от Бернарда и хочет оставить ребенка, ей это удастся. Бернард дает ей разрешение на выезд в зону, где живут люди, отличившиеся

индивидуальностью и не принимающие законы мира цивилизации. Чуть позже он сам туда отправляется, и они становятся счастливыми родителями для их маленькой дочки.

В целом впечатления от фильма неоднозначные. Роман О.Хаксли это анитопия, а фильм снят в жанре фантастики без намека на антиутопические мысли. Причем совершенно не понятно, что на экране изображается далекое будущее. Нет никаких визуальных спецэффектов, декораций, показывающих, что это принципиально другой, отличающийся от нашего, мир сооруженный «на фоне тотальной политизации и идеологизации практически всех фундаментальных цивилизационных процессов» [6, с. 4]. Например, вместо вертоплана, за секунды развивающего немыслимую скорость, мы видим обычный вертолет. В фильме опущены многие важные моменты из книги и в то же время добавлен ряд новых. Особенно удивила концовка фильма. Судьбу Джона показали верно, но не на этой печальной ноте заканчивается фильм. Создатели этой экранизации решили завершить фильм счастливым концом, остается лишь догадываться, что этим хотели сказать режиссеры. Возможно, они хотели обратить внимание на то, что принудительно огражденные от чувств и эмоций люди теряют главное — романтику, любовь, страсть, материнство, благородство, героизм, искусство, культуру. Но в то же время в отсутствии эмоций есть и преимущества — защита общества от страха, вызванного военными действиями, стихией или физическим насилием.

Немногочисленные рецензии на фильм на сайте «Кинопоиск» в основном негативные. Авторы этих текстов указывают на огромное расхождение между книгой и фильмом. Гораздо больше рецензий к книге, например, на сайте книжного магазина «Лабиринт». Автор одной из них, Марина Ефремова, усматривает сходство вымышленного мира Хаксли с нашим настоящим: «С первых страниц трудно поверить, что написана эта книга более семидесяти лет назад, а точнее в 1932 году! Очень уж похоже на то, что вокруг. Антиутопия (или всё же утопия?) о цинично выстроенном генетически моделируемом «обществе потребления»: еда, сон, секс — основные потребности удовлетворены, и всё хорошо, спокойно и все довольны. Заводы-фабрики работают, их обслуживают люди-винтики, создающие новых потребителей, и так по замкнутому кругу. <...> А что происходит сейчас? Разве ничего не напоминает? Реклама, мода, бренды, ток-шоу — зрелищные и бессмысленные развлечения — это наша реальность, как в ощущениях Нового мира, одурманивающая, отупляющая интеллект до уровня стада баранов, готовых на всё ради очередной «пилюли счастья». Пропаганда свободной любви, вместо крепких семейных уз, порождает всё больше и больше новых одиноких потребителей, неудовлетворенных жизнью, зато свободных... Чем больше одиноких людей, тем больше потребление: продуктов, товаров, услуг, и т.д. Пока только похоже на нас, но неужели станет полной реальностью?!...» [7].

Как известно, мифологема массовой культуры сводится к активному потреблению, развлечению и заботе о материальном. Поэтому предупреждения О.Хаксли являются не столь уж надуманными, как это могло показаться в момент написания этой пророческой книги. В контексте современных тенденций визуальной цифровой культуры и биополитического крена власти его выводы приобретают особую, зловещую значимость, сквозящую в каждом кадре фильма, независимо от демонстративно-развлекательного характера этой последней по времени голливудской экранизации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00129.

1. Егоров Б. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 416 с.
2. Некита А.Г. Голод как фактор социальной эволюции: идеология игровых страданий и смерти в голливудской франшизе «Голодные игры» // Человек. Культура. Образование — Human. Culture. Education. 2020. № 1(35). С. 131-143. doi: 10.34130/2233-1277-2020-1-131-143.
3. Васин В. Ностальгия по будущему. Реалистическая утопия [Электр. ресурс]. М.: [б.и.], 1996. 88 с. URL: <http://sbiblio.com/biblio/archive/vasin-nostalgiya/> (дата обращения: 15.07.2020).
4. Brave New World (1998 film) [Электр. ресурс] // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Brave_New_World_\(1998_film\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Brave_New_World_(1998_film)) (дата обращения: 15.07.2020).
5. Хаксли О. О дивный новый мир. Слепец в Газе [Электр. ресурс]. М.: АСТ, 2016. 672 с. URL: https://royallib.com/read/haksli_oldos/o_divniy_noviy_mir_slepets_v_gaze.html#0 (дата обращения: 15.07.2020).
6. Некита А.Г. Вышколенный ужас: идеология дисциплинарных образовательных пространств в голливудской хоррор-культуре [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 4(22). URL: <https://www.novsu.ru/file/1545852> (дата обращения: 15.07.2020).
7. Ефремова М. Рецензия на книгу «О дивный новый мир» Олдос Хаксли [Электр. ресурс] // Лабиринт. URL: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/238604/> (дата обращения: 15.07.2020).

References

1. Yegorov B. Rossiyskiye utopii: Istoricheskiy putevoditel' [Russian utopias: a Historical guide]. Saint Petersburg, 2007. 416 p.
2. Nekita A.G. Golod kak faktor sotsial'noy evolyutsii [Hunger as a factor of social evolution]: ideologiya igrovyykh stradaniy i smerti v gollivudskoy franshize "Golodnyye igrы". Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye — Human. Culture. Education, 2020, no. 1(35), pp. 131-143. doi: 10.34130/2233-1277-2020-1-131-143.
3. Vasin V. Nostal'giya po budushchemu. Realisticheskaya utopiya [Nostalgia for the future. A realistic utopia]. Moscow, 1996. 88 p. Available at: <http://sbiblio.com/biblio/archive/vasin-nostalgiya/> (accessed 15.07.2020).
4. Brave New World (1998 film). Wikipedia, the free encyclopedia. Available at: [https://en.wikipedia.org/wiki/Brave_New_World_\(1998_film\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Brave_New_World_(1998_film)) (accessed: 15.07.2020).

5. Khaksli O. O divnyy novyy mir. Slepets v Gaze [Brave new world. Blind man in Gaza]. Moscow: AST Publ., 2016. 672 p. Available at: https://royallib.com/read/haksli_oldos/o_divniy_noviy_mir_slepets_v_gaze.html#0 (accessed: 15.07.2020).
6. Nekita A.G. Vyshkolennyi uzhas: ideologiya distsiplinnykh obrazovatel'nykh prostranstv v gollivudskoy khorror-kul'ture [Horror coming out of school: the ideology of disciplinary educational spaces in Hollywood horror culture]. *Memoirs of NovSU*, 2019, no. 4 (22). Available at: <https://www.novsu.ru/file/1545852> (accessed: 15.07.2020).
7. Yefremova M. Retsenziya na knigu "O divnyy novyy mir" Oldos Khaksli [Review of the book "Brave new world" by Aldous Huxley]. *Labirint*. Available at: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/238604/> (accessed: 15.07.2020).

Nekita A.G., Suslova E.P. Horror models of biopolitical socialization in Hollywood adaptations of O.Huxley's dystopian novel. The article is devoted to the analysis of Hollywood visualization of O.Huxley's dystopian project. Based on the study of objective social processes, he constructs a terrible "brave, new world" in which the social contract is based on totalitarian biopolitical manipulations of the social environment. The crisis of traditional power provokes the transition to the conveyor planting of technologies for designing and growing people with the required professional functions. The social mission of such individuals consists in unambiguous adherence to prescribed hypnotic programs, the failure of which inevitably turns into social ostracism, an unprecedented increase in physical and spiritual oppression in "the free" society of the future. Such political practices form hierarchical horror-chronotypes that reproduce the horror of caste models of socialization. The visualization of Huxley's ominous warning is an attempt at media exploration of the totalitarian tendencies of the modern world.

Keywords: dystopia, totalitarian control, stratification, violence, horror, biopolitics, Hollywood.

Сведения об авторах. Андрей Григорьевич Некита — доктор философских наук, профессор; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кафедра философии, культурологии и социологии, ORCID: 0000-0002-9254-2901; beresten@mail.ru; Елена Петровна Суслова — обучающаяся направления подготовки 51.03.01 Культурология, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кафедра философии, культурологии и социологии; ORCID: ; polos123@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.08.2020. Принята к публикации 30.08.2020.